

Науменко, 1999 – *Науменко Г. М.* Детский музыкальный фольклор. Ч. 1. Колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки, сказки, календарные песни / Предисл. авт.; Вступ. ст. В. Смолицкого и Г. Науменко: для пения (соло, ансамбль, хор) без сопровожд.: В 2 ч. - М.: Композитор, 1999.

ПМА – *Полевые материалы Ежовой О.Ф.* Интервью с Маргаритой Яровой, уроженкой города Килия, Измаильского р-на Одесской области, проживает с. Великопоское, Великомихайловского р-на Одесской области. Бендеры. Январь 2020.

ПМ ИАС 1 – *Полевые материалы Савельевой И. А.* Записано от Надежды Яковлевны Покидовой, 1929 г.р., с. Слободзея, Приднестровье, Республика Молдова, 1986.

ПМ ИАС 2 – *Полевые материалы Савельевой И. А.* Записано от Анны Дмитриевны Тодоровой, 1932 г.р., с. Слободзея, Приднестровье, Республика Молдова, 1986.

Пропп, 1998 – *Пропп В. Я.* Поэтика <фольклора>. (Собрание трудов В. Я. Проппа) Составление, предисловие и комментарии А. Н. Мартыновой. – Издательство "Лабиринт", Москва, 1998. С. 268.

Савельева, 2002 – *Савельева И. А.* Старообрядцы в Молдавии и на Украине // Вестник Российского фольклорного союза. 2002. № 4. С. 19.

Савельева, 2005 – *Савельева Н. М.* Региональная стилистика. Русско-белорусско-украинское пограничье. Исследование. М.: Композитор, 2005.

Свиридова, 1954 – *Свиридова И. К.* Некоторые вопросы народных традиций в советской музыке // International seminar. Прага, 1954 [на англ. яз.]

Топорков, 2013 – *Топорков А. Л.* Ворон в русских заговорах: между мифологией, фольклором и книжностью // Slavica svetlanica: Язык и картина мира. Издательство «Индрик», Москва, 2013. С. 273 – 282.

Традиционная культура Белгородского края, 2006: 11 – *Традиционная культура Белгородского края*: Борисовский, Вейделевский, Волоконовский район. 2006. Вып. № 1.. С. 11

Чудинов, 1894 – *Чудинов А. Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Санкт-Петербург, Издательство В. Н. Губинского, 1894 https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2580523/?ysclid=looculpm9784342473 (дата обращения 07.11.2023)

Шейн, 1898 – *Шейн В. П.* Великорус в своих песнях, обрядах, верованиях, сказках, легендах и т. п. Типография Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1898. Электронный ресурс <https://www.booksite.ru/fulltext/shejn/text1.pdf> (дата обращения 27.01.2022)

УДК 281.93

Кожурин К. Я.,
доцент, кандидат философских наук,
Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)

**«Разубедить их в заблуждении может разве только ангел с небес»
(из истории миссионерских собеседований с рыкшинскими
старообрядцами)**

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-2-206-222

Автор на примере старообрядческой общины деревни Большой Пружинец исследует историю православной миссии среди местных старообрядцев в конце XIX – начале XX веков. В статье вводятся в научный оборот новые архивные материалы, освещающие положение староверов в данном регионе. Документальный корпус, взятый автором за основу исследования, представляет собой группу источников из фондов Национального исторического архива Республики Беларусь (Минск): фонд Витебского Свято-Владимирского братства и отчеты братства, регулярно публиковавшиеся в «Полоцких епархиальных ведомостях». Опираясь на опубликованные и неопубликованные источники, а также на историографический материал, автор рассматривает судьбу старообрядцев Рыкшинской волости (Невельского уезда) накануне революции 1917 года.

Ключевые слова: старообрядчество; беспоповцы; Рыкшинская волость; Невельский уезд; староверческое население; конфессиональная политика; миссионерство.

Kozhurin K. Ya.,
Cand. in Philosophy,
Institute of philosophy of man, Herzen state pedagogical University
(St. Petersburg)

**“Only an angel from heaven can dissuade them from delusion”
(from the history of missionary interviews with Old Believers of
Rykshinskaya volost)**

The author uses the example of the Old Believer community of the village of Bolshoy Pruzhinets to explore the history of the Orthodox mission among local Old Believers in the late XIX – early XX centuries. The article introduces new archival materials into scientific circulation, highlighting the situation of Old Believers in this region. The documentary corpus taken by the author as the basis of the study is a group of sources from the funds of the National Historical Archive of the Republic of Belarus (Minsk): the foundation of the Vitebsk St. Vladimir Brotherhood and the reports of the brotherhood, regularly published in the “Polotsk Diocesan Gazette”. Relying on published and unpublished sources, as well as on historiographical material, the author examines the fate of the Old Believers of the Rykshinskaya volost (Nevelsky uyezd) on the eve of the revolution of 1917.

Keywords: *Old Believers; bespopovtsy; Rykshinskaya volost; Nevelsky Uyezd; Old Believers' population; confessional politics; missionary work.*

История старообрядчества на территории Невельского уезда Витебской губернии до недавнего времени лишь отчасти входила в круг исследования отдельных историков (смотреть, например: [Волков, 1866; Горбацкий, 2004]). По большей же части этот регион, на территории которого существовало порядка семи достаточно влиятельных духовных центров старообрядчества, оставался практически неисследованным. Рыкшинская волость, входившая в состав Невельского уезда, уже, по крайней мере, с середины XVIII века являлась местом компактного расселения староверов-беспоповцев федосеевского согласия. Здесь находился их крупный духовный центр – деревня Большой Пружинец с древней моленной во имя Рождества Богородицы и богадельней при ней. Как удалось установить, трое пружинских наставников были участниками знаменитого Польского собора 1752 года [Отечественные записки: л. 92 об.]. Во время николаевских гонений 1850-х годов Пружинская моленная была уничтожена, а старинные книги и иконы были переданы в Полоцкую духовную консисторию (подробнее: [Кожурин, 2022: 94–101]). Однако духовная жизнь местных староверов продолжалась, и уже в 1863 году им удалось отстроить новую моленную, где и продолжали совершать богослужение.

К концу XIX века как гражданским, так и духовным властям стало понятно, что силовое воздействие на старообрядцев только усложняет проблему и для решения ее необходимо применять иные, пропагандистские меры. «Сначала такие меры были приняты в Витебской губернии, где в 1888 году была введена должность епархиального миссионера для борьбы с „расколом“, а 13 апреля 1893 года в Витебске начал действовать комитет во имя Св. равноапостольного князя Владимира; в числе задач комитета была и борьба с „расколом“» [Горбацкий, 2004: 151].

При Совете Витебского Свято-Владимирского братства с 1894 года существовал так называемый противораскольнический миссионерский комитет. Основной задачей деятельности комитета было выполнение § 2 устава Свято-Владимирского братства, который гласил: «Братство имеет целью содействовать ослаблению раскола и ограждению православного населения от вредных влияний на него... со стороны раскола». Комитет занимался сбором сведений о количестве старообрядцев, проживавших в губернии; в Витебске для продажи и бесплатной раздачи антистарообрядческих изданий был открыт склад; здесь также открыли центральную миссионерскую библиотеку, целью которой являлось оказание теоретической и практической помощи миссионерам. В библиотеке было собрано также достаточно большое количество старопечатных книг. Но основной своей целью «противораскольнический миссионерский комитет» ставил «открытие собеседований с раскольниками». В 1894 году по поручению и благословению

архиепископа Полоцкого в епархии были учреждены окружные противораскольнические миссионеры из местных приходских священников и «других лиц, сведущих в миссионерском деле». Комитет руководил их деятельностью. В 1894–1897 годов на этих должностях состояло 13 человек, в 1898 году – уже 16.

Первые публичные собеседования епархиального миссионера о. Нила Серебренникова со староверами Рыкшинской волости Невельского уезда были проведены уже в 1892 году «Беседы в Рыкшине (2-го августа) и в Ловце (6-го августа), – писал Серебренников, – были весьма оживленные. Интерес здесь, особенно в Рыкшине, видимо одинаково захватывал и православное и раскольническое население. В Рыкшине литургия окончилась около 11 часов утра и тем не менее до начала беседы (в 2 часа) никто почти не ушел домой. Такой интерес к собеседованию, по моему мнению, объясняется главным образом тем, что как в Рыкшинском (и соседнем с ним Язненском), так и в Ловецком (и соседнем Топорском) приходах раскольников значительное количество, они имеют собственные моленныя, своих начетчиков и вообще чувствуют себя весьма самостоятельно и даже покушаются на целость православия. Православные, испытывая давление со стороны раскольников, естественно весьма интересуются знать, на столько ли раскольники действительно правы, как уверяют. С своей стороны и раскольникам не безынтересно было бы одержать победу на собеседованиях: в последнем случае их победа над православными в будущем была бы полная.

Сознавая всю важность собеседований в указанных пунктах, и не столько для раскольников, сколько для православных, я в Чернецове, Рыкшине и Ловце предварял их поучениями в церкви, в которых старался разъяснить народу всю лживость и вредность учения федосеевцев и несогласие его с евангелием.

На Рыкшинской и Ловецкой беседах со стороны раскольников было сделано несколько возражений, но все они носили какой-то странный характер. В них отразилось то предубеждение, с которым раскольники смотрят на православную церковь. Для раскольников непреложен факт, что “никонианская” церковь есть источник всего дурного и потому все, что в старопечатных книгах находится обличительного, – все это обыкновенно относится ими к православной церкви а ргіогі, без всякой проверки. В Ловце и Рыкшине к православной церкви были относимы даже такие выражения, которые очевидно обличают самый раскол. Указание на частности сделает мою мысль яснее.

На Рыкшинской беседе один из совопросников, между прочим, в доказательство того, что можно спастись и без священства, читал из Кирилловой книги 10-е послание патр<иарха> Мелетия к белоруссам (Кир. кн. л. 501–505), и все, что там отнесено к униатским епископам, прилагал, как несомненное, к православным, хотя послание не дает на это никаких оснований. Того же, что несомненно и прямо обличало безпоповцев, начетчик не замечал (и кажется совершенно искренно). Таково, напр., следующее место послания: “да знаете, яко все веры прочии, иже верами зовутся, не суть веры..

того ради, яко ни едина от них не вмещает Духа Святаго дарований, ли пришествия Его сподобляются, ниже мощи чинят, ниже освящаются...” (л. 505) ... Хуже всего то, что недоумения подобного рода чрезвычайно трудно рассеять. Раскол есть не только тьма, но еще хуже тьма, мнящая себя светом, а потому и недоступная свету истинному. Составив себе, на основании одного недоразумения или просто неправильного чтения известного места старопечатной книги, то или другое превратное мнение, раскольник твердо уверен, что он совершенно прав, а потому на всякую попытку указать его заблуждение смотрит как на обиду, а если встретит неопровержимо-ясное опровержение своей мысли, то готов скорее отказаться от книги, чем от своего неправильного мнения. Так, один начетчик называл книгу “Беседы апостольския” испорченною на том только основании, что там нашлось свидетельство в пользу троеперстия. Другой не хотел признать подлинность названной книги на том курьезном основании, что в ней есть “подставки”, т. е. окончание переносимаго на другую страницу слова здесь кроме того помещается еще под строкою (как в новопечатных славянских книгах), чего в старопечатных книгах Московскаго выхода не встречается. Третий заирал книгу в том, что у ней нет “застежек”» [ПЕВ, 1892: 975–978].

Новый епархиальный миссионер священник Игнатий Сченсович продолжил практику проведения «публичных собеседований с раскольниками». Всего в первой половине 1897 года он провел в Витебской губернии 20 таких публичных бесед, в том числе в Невельском уезде, в селе Рыкшине – одну, в селе Язне – одну, в селе Ракитине – одну. «Предметом бесед было раскрытие учения об антихристе, о вечности святой церкви, о ключах царства небесного, о добрых и худых делах» [НИАБ-1: л. 8; Кожурин, 2022: 156]. Окружной миссионер по 3-му Невельскому округу священник Язно-Богородицкой церкви Антоний Нарбут в течение 1897 года, «кроме частных бесед, для которых он пользовался всяким удобным случаем», провел десять публичных бесед со старообрядцами. Как говорится в отчете, «все эти беседы происходили в пределах Язно-Богородицкого прихода, как особенно из всех приходов 3-го Невельского округа зараженного недугом раскола (курсив мой. – К. К.)». Предметом публичных бесед было раскрытие учения о Церкви Христовой (в деревнях Хлупикине, Петрашах и Ровном) и о таинствах крещения (в деревнях Крючке и Бохонове), покаяния (в деревнях Жукове, Петрашах и Большом Пружинце) и причащения (деревнях Петрашах и Крючке). «Кроме бесед о. миссионером устроено было два противораскольнических чтения, оба в д. Петрашах, в здании Петрашевской церковно-приходской школы. На первом было прочитано: 1) „Бывшим некогда братьям нашим во Христе и во церкви, ныне же вне единения с нами пребывающим именуемым старообрядцем в стране Витебской сущим“ Ивана Никифоровского (Епархиальные ведомости за 1893-й год № 6; 2) „Присоединение к православию“ лжепопа Никанора Арюткина (Церковные ведомости 1895 год. № 6), и 3) Корреспонденция из Рудушек Режицкого уезда (Епархиальные ведомости 1897 года №4). На втором чтении было прочитано: 1) О таинствах крещения и миропомазания (против

безпоповцев), священника Нила Серебренникова (Епархиальные ведомости 1892 год. №№ 4-й и 15-й), 2) „Новооткрытое свидетельство в пользу четвероконечного креста“ (Епархиальные ведомости 1897 год. № 22-й) и 3) было передано несколько чудесных случаев, совершившихся по молитвам к новоявленному угоднику Божию, святителю Феодосию Черниговскому» [НИАБ-1: л. 10 об. –11; Кожурин, 2022: 156-157].

Также о. Антонием Нарбутом были проведены беседы о пришествии антихриста. Об этом его попросили сами старообрядцы, «как оказалось впоследствии потому, что об этом предмете пожелал беседовать выписанный ими из Новоржевскаго уезда, Псковской губернии, начетчик Савелий Яковлев, который, по его собственным словам, бывал на беседах архимандрита Павла Пруссака и свящ<енника> К. Голубова. В одной из бесед (в д. Жукове, 13 октября) о. миссионер коснулся великаго духовнаго торжества в православной церкви – открытия мощей святителя Феодосия Черниговскаго, жившаго и действовавшего в то время, когда предки настоящих раскольников только что отделялись от православной церкви, а умершаго спустя 30 лет после формальнаго их отделения. Раскольнический наставник на это заметил, что еще неизвестно, на чьей стороне стоял святитель Феодосий, на стороне ли православных, или на стороне раскольников. В ответ ему о. миссионер привел несколько свидетельств о явлениях святителя во сне недужным, которых он наставлял ходить в церковь, вынимать частицы о здравии, служить молебны с акафистами, причащаться св. Таин, словом, наставлял делать то, что делают православные, но чего не делают раскольники. Это все с очевидностию может указать, на чьей стороне стоял святитель Феодосий» [ПЕВ, 1897: 878].

Однако ни «обличения раскола», ни чудеса «новоявленных угодников» не могли произвести на рыкшинских старообрядцев нужного действия. Численность староверов в Невельском уезде не сокращалась, и, по данным «противораскольническаго миссионерскаго комитета», составила в 1897 году – 3534 души обоего пола (из них во 2-м благочинническом округе – 1140 душ, а в 3-м округе в одном только Язно-Пятницком приходе – около 2000 душ обоего пола). Согласно другим данным, количество старообрядцев в Невельском уезде составило в 1897 году 5290 человек [Витебская губерния, 2009: 485]. «Во 2-м округе проживает один раскольнический наставник, но моленной нет, в 3-м округе есть моленная в д. Большом Пружинце, объединяющая, по словам проживающего при ней наставника, всех соседних раскольников „в одного человека“» [НИАБ-1: л. 15; Кожурин, 2022: 159].

Относительно внутренней жизни местного старообрядчества в отчете о миссионерской деятельности Свято-Владимирскаго братства говорилось следующее: «Некоторыми миссионерами отмечается у многих старообрядцев стремление к чтению умных и душеспасительных книжек. За таковыми они обращаются к миссионерам и к учителям церковно-приходских школ, с благодарностию возвращают, просят еще и часто заводят беседы по поводу прочитаннаго. Есть у старообрядцев и своя подпольная литература, иногда политическаго характера, иллюстрированная доморощенными художниками,

но произведениями такого рода, повидимому, более всего пользуются наставники в целях отвращения своих чад от „никонианской ереси“» [НИАБ-1: л. 20; Кожурин, 2022: 161].

В отчете «противораскольнического миссионерского комитета» при Свято-Владимирском братстве за 1898 год отмечается: «В Невельском уезде, во 2-м и 4-м округах... проживает раскольников 1523 души обоого пола; из этого числа во 2-м округе числится 1129 душ (583 м.п. и 546 ж.п.) и в 4-м 394 души. Из отдельных приходов по количеству проживающих в нем раскольников выдается Ракитинский (419 м.п. и 397 ж.п.). По местам замечается ослабление раскола во 2-м округе: 1) раскольники посещают иногда местные церкви и прислушиваются к православному богослужению; 2) некоторые из них отдают своих детей в народные училища и церковно-приходские школы; 3) раскольники находятся в хороших отношениях с православными, посещают их дома и нередко принимают там угощение. В отчетном году присоединено к православию из раскола во 2-м округе две души. Раскольники 4-го округа также живут в мире с православными, бывают у них и приглашают к себе. Местные священники ведут иногда беседы с раскольниками, которые охотно слушают их и обращаются иногда за книгами для чтения. Бывали случаи приглашения местного причта в дома раскольников для освящения воды» [НИАБ-2: л. 11; Кожурин, 2022: 161-162].

Окружной миссионер по 2-му и 3-му округам Невельского уезда священник Язно-Пятницкой церкви Николай Савицкий «за отсутствием старопечатных книг, необходимых при публичных собеседованиях с раскольниками» ограничивался публичными чтениями с простым народом после вечернего богослужения. На этих чтениях наряду с прихожанами господствующей церкви присутствовали и старообрядцы, так что отец миссионер имел счастливую возможность «обличать их заблуждения».

Окружной миссионер по 3-му округу, священник Язно-Богородицкой церкви Антоний Нарбут вел в 1898 году не только частные, но и публичные собеседования со старообрядцами, проживающими в пределах вверенного ему округа. В отчете говорится, что «влияние бесед сказывается на раскольниках: некоторые из них начинают выражать желание присоединиться к православной церкви, другие приглашают местный причт служить панихиды, заупокойные обедни и принимают к себе в дом» [НИАБ-2: л. 11 об.; Кожурин, 2022: 162]. Однако за отчетный год к официальной церкви присоединилась всего одна девица-крестьянка.

Во внутренней жизни старообрядцев, населявших Витебскую губернию, миссионерами отмечалось в 1898 году следующее событие: «3-го декабря в д. Войново состоялся раскольнический собор, на который было приглашено 20 наставников, но по случаю невозможно плохой погоды их явилось только 8 человек. Звонари звонили в 4 молотка, воздавая наставникам епископскую честь, народ кланялся им до земли, ликованию не было конца. Не обошлось здесь и без раздачи народу пирогов. По словам миссионера, на этом мятежном соборе раскольники постановили не молиться за Царя, как неверного.

Полицией, предупрежденной о. миссионером относительно предстоящего собора, в ночное время в моленной арестована книга, в которой слова „благочестивого Царя нашего“ заклеены бумагой» [НИАБ-2: л. 14 об.; Кожурин, 2022: 164].

В 1901 году в Витебске прошел Первый епархиальный миссионерский съезд. Участники съезда так характеризовали современное состояние старообрядчества в губернии: «За последние 15 лет раскол в Витебской губернии значительно ослабел. В общей массе проявляется меньше фанатизма, за исключением некоторых пунктов. Раскольники стали терпимы к православию, внимательны к беседам и миссии и в частности к школе. Возсоединение происходит слабо. Однако, в виду массы раскольников (около 100 т <тысяч>), их сплоченности, материальной силы и характера вероучения (безпоповцы), они все еще представляют огромную силу, для борьбы с которой миссии предстоит много труда. Молодое поколение, по наблюдениям духовенства, потеряв веру в старших, стало индифферентно к делам веры и нравственно крайне расшатано (разврат), старые же люди (начетчики, наставники), желая удержать свою веру, принимают меры для борьбы с миссией – собирают соборы, усиленно ходатайствуют об открытии молелен, заводят домашнее обучение и распространяют книги. Уклонившиеся в раскол, но вступившие в брак с православными, проявляют наибольшую близость и общение с православными в молитве и житейском быту. Сворачивая же всячески стараются скрыть свою принадлежность к православию» [ПЕВ, 1901: 702–703].

В «Отчете о состоянии и деятельности витебского епархиального Свято-Владимирского братства за 1902 год (XV-й год существования)» говорилось: «Всех же раскольников в епархии, в уездах, проживает около 90,000 человек; большая часть их проживает в режицком уезде (более 35,000) и двинском (около 30,000). Все они, за исключением нескольких приемлющих австрийское священство и так именуемых поповцев, управляемых уставщиками, безпоповцы федосеевского и частью поморского толка. Раскольники отличаются крайним невежеством и индифферентизмом по отношению к своей вере, которой и держатся больше по привычке и благодаря влиянию наставников. Впрочем, в некоторых местах напр. д. Пруженец, Жарцы и другие. среди раскольников замечаются и случаи грубого фанатизма. Нравственность раскольников стоит на низкой степени. Не говоря уже о разврате и незаконных сожителствах, оправдываемых теорией Ильи Ковылина, среди раскольников сильно развито пьянство, воровство и другие пороки» [ПЕВ, 1904 (2): 23].

Вместе с тем новообрядческие миссионеры не могли пройти мимо ряда положительных качеств местных староверов: «Но с другой стороны среди раскольников замечается взаимная сплоченность и общность в интересах веры, какой часто нет среди православного населения. Раскольники сыплют жертвы на постройку молелен, на содержание своих наставников, на улучшение внешнего благолепия молитвенных домов, на певчих, помогают бедным

собратьям по вере, поддерживают друг друга на суде и при всяком другом случае и т. п.» [ПЕВ, 1904 (13-14): 401].

В начале XX века российскому староверию суждено было пережить самый настоящий расцвет. «Полоцкие епархиальные ведомости» писали в 1903 году по поводу духовной жизни невеличких староверов: «Не пренебрегают наши местные старообрядцы и другими средствами для поддержания своей веры, практикуемыми вообще в расколе современном. В разных местечках епархии устраиваются раскольнические соборы или для разрешения частных вопросов, напр. о перемене наставника (в Люцинском уезде) или же вообще для ограждения своей веры (в Невельском уезде на 2 Февр.). Сообщения миссионеров об этих соборах кратки. А интересно было бы познакомиться с «актами» хотя бы одного из соборов. Нет сомнения, что раскольнический собор в Невельском уезде стоит в связи с хорошо известным о. И. Сченсновичу и затеянным им, по нашему мнению, безнадежным делом...» [ПЕВ, 1903 (4): 122]. (Внизу текста было дано интригующее примечание: «Простите читатель, что мы выражаемся в данном месте неясно. Наше искреннее убеждение, что тайны в миссии чисто христианской быть не должно, и мы стараемся доказать это, хотя и терпим укоризны за это. Но в данном случае мы связаны нашим обещанием о. И. Сченсновичу». (Судя по всему, речь здесь идет о желании некоторых рыкшинских старообрядцев присоединиться к новообрядческой церкви на правах единоверия и организовать в деревне Большой Пружинец единоверческий приход.)

В 1903 году епархиальный противораскольнический миссионер, священник Игнатий Сченснович провел большое количество бесед со старообрядцами Витебской губернии, в том числе с невеличкими: 26 января в деревне Пружинец, 1 и 2 апреля в деревнях Петраши и Пружинец, 22 и 23 мая снова в Пружинце, 1 и 2 июня в Язно-Богородицком. «По невеличскому уезду окружными миссионерами состояли – свящ. Н. Савицкий и свящ. В. Сорочинский. Оба миссионера устраивали частные беседы со старообрядцами большею частью в собственных приходах. Некоторую помощь свящ. Сорочинскому оказывал учит. Петрашевской школы К. Ляшкевич. Причт Лутнянской церкви совершил около 30 поездок по приходу с миссионерскою целью, устраивая беседы о разных предметах. Прот. П. Петровским было присоединено из раскола два человека» [ПЕВ, 1904 (12): 377].

В 1902 году произошло беспрецедентное событие в истории Пружинской старообрядческой общины: моленную в Пружинцах «самолично посетил проездом» бывший епископ Полоцкий и Витебский, а на тот момент – Псковский и Порховский Антонин (Державин). «Сей архипастырь пред входом в моленную облачился в мантию и с жезлом вошел в моленную, молился Богу и предложил раскольническим певцам пропеть ему что-либо из Божествен. догматиков. Раскольники пропели „Всемирную славу“ и другие. песнопения. Преосвященный одобрил пение и выразил желание, чтобы сия моленная сделалась православною церковью» [ПЕВ, 1903 (10): 393]. По-видимому, это

произошло в самом начале 1902 году, поскольку 2 марта 1902 года епископ Антонин скончался в Пскове.

Через год Пружинскую общину посетил недавно назначенный в приход Язно-Богородицкой церкви священник Владимир Сорочинский, один из окружных миссионеров по Невельскому уезду. Его краткое донесение в Миссионерский противораскольнический комитет, по словам автора «Полоцких епархиальных ведомостей», «производит невыразимо радостное настроение, ясно свидетельствуя о том, какую силу имеет или может иметь в приходе с раскольническим населением хороший пастырь» [ПЕВ, 1903 (10): 392]. В своем миссионерском отчете о. Владимир Сорочинский сообщал следующее:

«По прибытии моем в село Язно, на другой же день прибыли ко мне несколько крестьян из деревни Большаго Пруженцы и сообщили, что они с некоторыми другими старообрядцами в числе 23 человек желают присоединиться к Св. Церкви на правилах единоверия с непременным обязательством и условием, чтобы для них была устроена новая церковь в селе Пруженцах, вблизи раскольнической моленной; при этом сии крестьяне жаловались на преследования их от раскольников-фанатиков. Затем на второй день Пасхи прибыл ко мне посланец от раскольнического наставника с просьбою, чтобы я ради Христа посетил последняго, как болящаго телесною серьезною немощию. Наставник раскольничий Павел Архипов проживает в деревне Петрашах, куда я и прибыл 15 Апреля; в доме наставника совершалась панихида, изба была полна народу, пели стихиры, на столах и скамейках стояли чашки с кутьею и горящими свечами, певчие громогласно выводили хомовым пением, или напевом, тропари „Благословен еси, Господи“ и „Святых лик обрете источник жизни“. При моем входе в дом в пении произошло некое замешательство, и меня попросили войти в другую лучшую избу, куда сейчас же явился и больной наставник, который приветствовал меня с праздником, жаловался на свою болезнь (сахарная болезнь), причиняющую ему страдания. Я указывал ему на то, что часто грехи наши бывают причиною болезни и советовал ему, кроме медиц. пособий, искать благодатных врачеваний во Св. Церкви. Наставник молчал и изъявил согласие принять св. масло от мощей Святителя Феодосия Черниговскаго. По всему селу пронеслась весть о прибытии правосл. священника. Улица около дому наставника наполнилась народом, многие вошли в избу, где находился я, здоровствовались; я предлагал им свое желание прибыть к ним в праздничный день какой либо и почитать священные книги, они все благодарили и выражали желание читать божеств. книги. Но только просили, чтобы не тревожили их полицией для сбора на беседу. В Субботу 19-го Апреля я, идя к обеду, настигнут был неизвестным мне здорового телосложения парнем, который умолял меня отправиться с ним в дер. Большие Пруженцы: у него родной брат только что возвратившийся из Петербурга смертельно заболел и усерднейше просил меня посетить его и узнать будет-ли он жив. У него жена и шестеро детей. После литургии, я вынужден был усиленными просьбами посланнаго выехать в д. Большие

Пруженцы, где я желал кстати посмотреть и находящуюся там старинную раскольническую моленную, недавно сравнительно отремонтированную» [ПЕВ, 1903 (10): 392–393].

Далее шло любопытное описание внешнего вида Пружинской моленной и местных староверов: «В д. Б. Пруженцы моленная находится на берегу озера, окрашена желтой краской, крыша железная, кругом благоприличная ограда, на воротах которой водружена икона. Недавно на правой стороне моленной раскольниками устроена особая, отдельная от моленной, колокольня, обшитая досками, вышиною более 3-х сажень. Эта колокольня построена, говорят, с разрешения Пристава. Под крышею сей колокольни висит на железных прутьях громадная продолговатая металлическая доска, длиною сажени 1 1/2, она заменяет колокола; есть и клепало, в которое в два молотка ударяют пред началом Богослужения в моленной. Звук громкий, резкий, слышен более 10 верст расстояния. Эта доска устроена в Петербурге на Путиловском заводе и за нее уплочено 75 р. серебром. (без пересылки).

В д. Пружинцах – средоточии Язненского раскола – наружный вид жителей-раскольников типический характерный, особый оттенок и выражение лиц, особая головная прическа, одяние мужчин и женщин, самый взгляд – показывают, что это люди времен Алексея Михайловича – Царя Московского. На меня сбежалась смотреть вся деревня, я подошел к больному, осенил его именованным благословением, говорил ему, что наше дыхание и жизнь в руке Божии, советовал молиться Богу о выздоровлении и предлагал ему дать обещание, в случае выздоровления, пожертвовать в св. церковь ладану и свечей и помазал его крестообразно освещенным елеем от мощей Св. Феодосия. Собралось много стариков, я побеседовал с ними о причинах наших болезней, указал на то, что лечиться не есть грех, как думают многие старообрядцы, и что самое лучшее врачевание, действительное, от грехов – как причин болезней – существует в Св. Церкви. Предлагал им в праздн<ичные> дни принять меня в особый дом и послушать чтение Бож<ественных> писаний. Все благодарили и просили приезжать, обещали беседовать и любовно, кротко, без укоризны и раздражения. И так я решил пока знакомить раскольников с положительными истинами веры и благочестия, а затем осенью, когда окончатся полевые работы, открыть публичные собеседования» [ПЕВ, 1903 (10): 393–394].

И действительно, миссионерская деятельность о. Владимира Сорочинского вскоре получила продолжение. Из новостей, регулярно появлявшихся в «Полоцких епархиальных ведомостях», мы видим, что в начале XX века новообрядческие окружные миссионеры снова активизировались в Полоцкой епархии. Они пытались вступать в беседы с местными старообрядцами, о чем предоставляли регулярные отчеты в епархиальное управление. Так, окружной миссионер по Невельскому уезду священник Язно-Пятницкой церкви о. Николай Савицкий сообщал о нескольких беседах, проведенных им в 1903 году со староверами в деревнях Воробьи, Великое Село Топорского прихода, Ровное Чернецкого прихода и другие. Главным предметом его бесед был вопрос о Церкви и таинствах. Староверы, как отмечалось в отчете, относились к беседам

«сочувственно», собираясь на беседы «в значительном количестве и внимательно выслушивая миссионера». «Наиболее искренние из старообрядцев почти сознавались в своем безсилии защитить раскол». Одна старообрядка говорила миссионеру: «Вера наша... немного попорчена... Тайнами своими вы нас заели, во всем же остальном мы вас загоним, потому что у нас все выполняется точно, а у вас облыжно» [ПЕВ, 1903 (18): 691].

Другой окружной миссионер, о. Владимир Сорочинский летом 1903 года «предпринимал неоднократные поездки в большие деревни с сплошным раскольническим населением и устраивал здесь религиозно-нравственные чтения для народа». «Приезд миссионера в деревню производил на раскольническое население давно не видевшее у себя православного священника, сильное впечатление. „Вся деревня всполошилась, пишет о. Сорочинский, все высыпали на улицу, на крыльцы домов и старые, и малые, и женщины и девы. Я подъехал к лучшей сравнительно избе. Просторная комната немедленно наполнилась народом обоего пола, все с удивлением смотрели на меня“. Чтение миссионера нравилось раскольникам. Один старик по окончании чтения миссионера о крестном знамени, обратившись к женщинам сказал: „смотрите, бабы, все начинайте и делайте крестом“. Раскольники благодарили миссионера, просили его еще приезжать, говорили, что они никогда не слышали таких книг и чтений; раскольнические женщины при отъезде о. Владимира, окружив его, наперерыв одна перед другой совали ему в руки ягоды, яйца, усиленно прося его принять эти дары за труды чтения и не обижать их отказом» [ПЕВ, 1903 (18): 691–692].

Однако попытки некоторых пружинских староверов присоединиться к единоверию так ничем и не закончились, о чем также сообщали «Полоцкие епархиальные ведомости»:

«Между прочим, о. Сорочинский сообщает в своем отчете и нечто грустное. Раскольники, сделавшие попытку к присоединению к Церкви на правах единоверия, о чем о. миссионер писал когда то в одной из прежних своих корреспонденций, „упали Духом, охладели к исполнению своего предрешенного намерения, и теперь утесненные своими прежними единомышленниками по вере – некоторые из подписавшихся на присоединение отреклись вовсе от своего обещания, ссылаясь на преследования (?) от гражданских властей, а некоторые уехали – в Петербург“. Факт этот очень печальный... Мы еще до приезда о. Сорочинского в Язно слышали от о. Игнатия Сченсовича о намерении некоторых пруженецких раскольников присоединиться к Церкви. Трое из них даже приезжали в г. Витебск и являлись к Его Преосвященству... Ужели это дело совсем пропало?... И что же за причина?... Каким образом преследования от гражданских властей?... Нам кажется, что нашей миссии в лице епархиальных миссионеров и приходского батюшки нужно приложить все усилие к тому, чтобы не дать угаснуть блеснувшему среди мрака и готовому уже потухнуть огоньку...» [ПЕВ, 1903 (18): 692–693].

Собеседования продолжились в следующем, 1904 году. В деревне Петрашах о. Владимиром Сорочинским было проведено три беседы. Беседы

начинались чтением из творений святых отцов Церкви о таинствах, при этом делались соответствующие пояснения. «Раскольники с интересом слушали батюшку и делали некоторые незначительные возражения. Отцу Сорочинскому помогал на беседах учитель К. Ляшкевич» [ПЕВ, 1904 (9): 262].

Свои незабываемые впечатления от общения с петрашевскими староверами о. Владимир Сорочинский изложил на страницах «Полоцких епархиальных ведомостей» в том же году:

«Население д. Петрашей, пишет миссионер, составляют частью прирожденные раскольники, а частью совратившиеся из православия. Надобно заметить, что все эти отпадшие от церкви, при переходе в раскол, подвергались перекрещиванию и, как неофиты, настолько теперь уверены и убеждены в святости принятого ими крещения, настолько отличаются крайнею приверженностию и преданностию расколу до изуверства, что разубедить их в заблуждении может разве только ангел с небес. Оказывается, что нет почти ни одной раскольнической деревни в Язно-Богородицком приходе, где бы не нашлось совратившихся в раскол из православия из разных приходов Невельскаго, Опочецкаго и Великолуцкаго уездов. Жители раскольнических деревень отличаются склонностию к грабежу, воровству, разбою, пьянству и нравственность раскольников стоит на самой низшей ступени упадка, в д. Петрашах из 30–40 домохозяев только 4 хозяина не сидели в тюрьме, а остальные 36 все познакомились уже с тюремным заключением за разные важные уголовные преступления, не исключая и раскольническаго наставника Павла Архипова, который просидел в тюрьме более года за покупку заведомо-краденых чужих вещей. Прибывши в д. Петраши со Св. Дарами для напутствия больного старика, который живя среди раскола, 40 лет не был у исповеди, вхожу в раскольнический дом, все из избы уже вышли, в избе ярко топилась печь, кипели и плыли горшки с кушаньем, хозяйки у печи не было, божница с иконами плотно закрыта была пеленой, не нашел стола, который, вероятно нарочно был вынесен вон и мне пришлось положить Св. Дароносицу на подоконник; за занавесью на кровати лежал больной 80-летний солдат, а в избе сидел еврей да мальчик лет 14, лишенный ног. Так как во всей деревне Петрашах не было ни одной души православной, то я, находясь один среди темной фанатической раскольнической толпы, опасался – дабы раскольники не поглумились бы над святынею. Но, слава Богу, все обошлось благополучно».

Любопытно также, что о. Владимиром Сорочинским, судя по всему, в деревне Малый Пружинец было совершено крещение младенца в озере («так как купели для крещения не было принесено»): «День был теплый, солнечный, домик старушки стоит на самом берегу озера в 5 шагах, озеро небольшое, против домика старушки на др. берегу расположена раскольническая моленная с высокою колокольнею. Разнеслась весть, что имеет совершиться крещение младенца в озере, собралось много раскольников обоого пола, свыше ста человек, весь берег был усеян народом. На самом берегу озера поставили стол, покрытый скатертью, я положил св. крест, евангелие, мирницу, зажгли свечи, началось священно-действие св. таинства крещения, я читал молитвы громко,

внятно, толпа зрителей увеличивалась, все раскольники, и мужчины, женщины и дети стояли тихо, спокойно, снявши шапки, слушали чтение молитв, приблизилось время погружения младенца, любопытство толпы достигло напряженности, все подошли к самому озеру, я взял младенца, отошел от берега по кладям к глубокому месту и совершил св. крещение чрез троекратное полное, истовое, погружение, в толпе слышались разговоры и шепот, затем я, обращаясь как будто к восприемникам, произнес громко поучение о таинствах св. крещения и миропомазания, – коснулся вопроса о неповторяемости крещения и, приведши слова символа веры: исповедую едино крещение, сказал о перекрещивании, зная, что в числе слушателей есть перешедшие из православия в раскол и подвергавшиеся перекрещиванию; толпа слушала поучение внимательно и мирно. Никогда еще православному священнику не приходилось в сей местности освящать воду в том озере, на берегу которого недалеко от места крещения стоит раскольническая моленная. Интересный факт невольно переносит мысль к далеким библейским временам...» [ПЕВ, 1904 (11): 340–342].

17 апреля 1905 года император Николай II издал долгожданный Высочайший Указ «Об укреплении начал веротерпимости», коренным образом изменивший положение последователей старой веры, а 17 октября 1906 года вышел еще один закон о старообрядцах – Высочайший Указ правительствующему Сенату о порядке образования и действия старообрядческих общин. Последний закреплял право староверов образовывать общины с признанием их юридических прав, право самим вести метрические книги, право проповеди своего учения. Очень важным был пункт образования и регистрации общин в явочном порядке (то есть по факту заявления). Это защищало староверов от чиновничьего беспредела – в отличие от «разрешительного» принципа регистрации общин, то есть с разрешения местного начальства. Законы 1905 и 1906 годов, несмотря на наступившую впоследствии в стране реакцию и ограничения многих свобод, дали мощный толчок развитию старообрядческой жизни. Начался «Золотой век» русского старообрядчества. Созидательная сила, столетиями копившаяся внутри наиболее притесняемой части русского народа, получила выход и реализацию в церковном строительстве.

Интересна реакция новообрядческих миссионеров на царский указ о веротерпимости. «Нет сомнения, – писал автор статьи об указе в „Полоцких епархиальных ведомостях“, – что новый закон 17 апр. 1905 года, полагающий собою начало новому периоду в жизни нашей противораскольнической и противосектантской миссии, вызывает в душе каждого деятеля миссии много разных дум и чувств. Но общее впечатление, которое возбуждает Высочайшее повеление 17 апр. – хорошее отрадное... – Правда, нас смущает то обстоятельство, что воля Государя застаёт наше миссионерствующее духовенство не подготовленным, к „новой“ борьбе с врагами православия... Правда, мы уверены, что для большинства приходского духовенства свобода религиозной совести, данная Царем старообрядцам и сектантам, явилась

совершенно неожиданностью, „громом небесным“ по выражению недавно почившаго епископа – миссионера Вениамина (Борнукова) ... Правда, что новый закон открывает для заблуждающихся широкий путь пропаганды и повлечет за собой отпадения от православия в раскол или в сектантство, имеющие причинить много горя и страданий нашим миссионерам... Но чтобы радость наша была „исполнена“, нам необходимо сейчас же, без всякого промедления начать готовиться к новой борьбе со врагом православия и к выработке новых „начал“ миссии. Посему, приветствуя зорю новых лучших дней в жизни Церкви, мы позволим себе выразить мысль о необходимости устройства нынешним же летом всероссийского съезда деятелей православной миссии с приглашением на этот съезд возможно большего числа представителей рядового сельского духовенства. Хороший урок в этом случае подают нам сами наши старообрядцы, начавшие устраивать почти ежегодно всероссийские „соборы“ старообрядческих деятелей...» [ПЕВ, 1905: 262–263].

Серьезные перемены в жизни Пружинской общины произошли в 1904 году. Если раньше все пружинские наставники были строго безбрачными, как и предписывало федосеевское учение, то теперь община фактически перешла на поморские правила: умер старый наставник Павел Архипов, а новым наставником был выбран человек женатый – помощник покойного наставника Иван Спиридонович. Вот как всю эту ситуацию описывал о. Владимир Сорочинский в свойственном ему цветистом стиле:

«Трудно беседовать о предметах веры и благочестия с людьми совсем неграмотными, незнакомыми с древле печатными книгами, ни даже с начатками христианского вероучения. Как вести беседу систематически с лицом, не имеющим понятия ни о св. писании и предании, ни о св. Евангелии, ни с историческими событиями ветхаго и новаго завета! Везде приходится, прежде раскрытия заблуждений раскольников, разъяснить толпе или догматич. учение св. церкви, или же излагать нравственные уроки из евангельских повествований. Раскольнические наставники – лица большею частью преклонных лет, вступать в беседу о предметах веры с православным священником они отказываются или недосугом, или же старческою дряхлостью, или же прямо неведением. У них всегда стереотипный ответ: „Мы знаем только Богу молиться, да прочесть павечерницу по часовнику, или же октай в воскресение Христово, а больше мы ничего не хотим знать, и как наши отцы, так и мы веры не переменим, а Ваши православные и Богу не знают молиться и праздники Божии теперь отменили – вопреки заповедям Божиим“. – Раскольнические наставники в своих разговорах со мною всегда ссылались на рукописные цветники, в которых помещены изречения, вырванные из разных свято-отеческих творений без связи с предъидущим и последующим в изложении. Читаемая темному народу как авторитетное слово святого или Афанасия, или Василия, или же Тимофея Александрийского эти цветники приносят великий вред православию, удерживая народ в упорном противлении св. церкви. Федосеевские безпоповщинские наставники получают эти цветники из Московского Федосеевского Кладбища. Между раскольниками

циркулирует лицевой апокалипсис, в котором нарисованы страшные хулы и порицания на св. церковь. На воображение темной толпы ярко нарисованная картина действует обаятельно и дает осязательное понятие о написанном на картинах. Недавно в раскольническом мире Язно-Богородицкого прихода произошло принципиальное крушение безпоповщинского Феодосианского взгляда на брачное сожителство. В Пружинецкой моленной умер наставник Павел Архиппов, обществ<ом> раскольническим на должность наставника избран викарий бывшего наставника, человек женатый, семейный, далеко еще не старый. Но сей новопоставленный отец ни под каким видом не согласился разойтись с женою и жить отдельно в причтовом нарочито устроенном около моленной доме, на правах инока. Весь старческий старообрядческий мир возмутился таким неслыханным условием и требованием, новоизбранный стоял на своем непоколебимо и раскольники уступили, дозволили своему наставнику открыто и публично жить в союзе с женою и в своем доме и так<им> обр<азом> нарушили иноческое житие своего наставника, оправдывая себя тем обстоятельством, что каждый наставник все равно, при видимом соблюдении иноческого чина, держит в тайне на стороне сожительницу и имеет детей, но тогда, по выражению раскольников, тайный грех тайно будет и судиться Богом, а теперь наставник имеет открытое блудное сожитие. Теперь раскольнический наставник, к великому горю должен, при входе в моленную, брать скобку дверей не рабскую, а новоженскую. По случаю схода раскольников в дер. Петраши на выбор наставника, я прибыл в сию деревню и вступил в беседу с некоторыми из раскольников. Мое обращение к раскольникам началось с слова Апостольскаго: „Никто же сам себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон“ и словом Спасителя к Апостолам: „Не вы меня избрали, но я вас избрал“. Я говорил, что раскольники неимеющие власти решать и вязать дают такую власть наставнику и так<им> обр<азом> меньшие благословляют большего, извращают Богопреданный порядок и чин, ибо по слову св. Апостола, без всякаго прекословия меньшее от большего благословляется. А у Вас старообрядцев, наоборот, говорил я, собравшаяся община, состоящая из простецов и несвященных, дает право свящ<енное> творить простецу. Законно ли это самовластие и самоволие? Не похоже ли это на выбор сельскаго старосты? Но и сельский староста, избранный обществом, утверждается высшею властью. Далее рассказывали о таинстве священства. Раскольники слушали, а затем стали возражать, опирались на антихристово время, извратившее весь порядок в церковном чине. Беседа продолжалась более двух часов» [Сорочинский, 1905: 25–27].

В целом, характеризуя состояние «раскола» в Полоцкой епархии за 1906 год, «Полоцкие епархиальные ведомости» не без зависти писали: «Раскол в епархии количественно остался в прежнем положении. Истекший год был весьма благоприятен для старообрядцев, так как ознаменовался дарованием таких свобод и прав, какими не располагает так называемая господствующая церковь. Раскольники не замедлили использовать данные им права и привилегии до конца. Регистрация старообрядческих общин началась с октября месяца вслед

за изданием правительственного закона и в настоящее время наставники безпоповские заведуют своими приходами на правах православного духовенства с тою лишь разницею, что действуют полновластно, вне всяких субординаций. Строительство молитвенных домов ведется энергично» [ПЕВ, 1907: 408]. Этот благоприятный процесс роста и развития приходской жизни рыкшинских староверов продолжался вплоть до революции 1917 года и начала последующих религиозных гонений, которые со временем практически полностью истребили общинную жизнь в этом старейшем на Псковской земле центре «древлего благочестия».

Список литературы

Витебская губерния, 2009 – Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917). Минск: БелНИИДАД, 2009.

Волков, 1866 – *Волков В. И.* Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии. Витебск: Тип. Губ. Правления, 1866.

Горбацкий, 2004 – *Горбацкий А. А.* Старообрядчество на Белорусских землях: Монография. Брест: Изд-во УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2004.

Кожурин, 2022 – *Кожурин К. Я.* Староверы Псковского Поозерья: Невельский уезд. [Б.м.]: Издательские решения, 2022.

НИАБ-1 – Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 1.

НИАБ-2 – Национальный исторический архив Республики Беларусь. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 2.

Отеческие завещания – БАН. Собрание В. Г. Дружинина, № 701.

ПЕВ, 1892 – Полоцкие епархиальные ведомости. 1892. № 22.

ПЕВ, 1897 – Полоцкие епархиальные ведомости. 1897. № 19.

ПЕВ, 1901 – Полоцкие епархиальные ведомости. 1901. № 13.

ПЕВ, 1903 (4) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1903. № 4.

ПЕВ, 1903 (10) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1903. № 10.

ПЕВ, 1903 (18) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1903. № 18.

ПЕВ, 1904 (2) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1904. № 2.

ПЕВ, 1904 (9) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1904. № 9.

ПЕВ, 1904 (11) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1904. № 11.

ПЕВ, 1904 (12) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1904. № 12.

ПЕВ, 1904 (13-14) – Полоцкие епархиальные ведомости. 1904. № 13–14.с

ПЕВ, 1905 – Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 8/9.

ПЕВ, 1907 – Полоцкие епархиальные ведомости. 1907. № 32.

Сорочинский, 1905 – *Сорочинский В., свящ.* Из записок миссионера (из Невельского уезда) // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 25–27.